

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**БАГРОВОЕ
ПЕПЕЛИЩЕ**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Художник *Борис Аджиев*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Багровое пепелище / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Фронтовая
разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-193836-9

Советское командование разрабатывает Крымскую наступательную операцию. Группе разведчиков капитана Глеба Шубина приказано разведать обстановку в районе залива Сиваш. Бойцы проникают на территорию противника и собирают данные о важном узле немецкой обороны. Подоспевшие подразделения довершают работу разведчиков. Гитлеровские укрепления уничтожены. По дороге на исходный рубеж отряд капитана Шубина останавливается на ночлег в полуразрушенной деревне. Совершившие за один день невозможное уставшие красноармейцы еще не знают, что предстоящая ночь готовит им страшный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193836-9

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Майор Снитко расхаживал из угла в угол, отчего его сапоги стучали по старым половицам избы, где офицеров штаба разместили на постой. Михаил остановился, метнул напряженный взгляд на шторку, за которой гремели ложками, ужиная, его коллеги. Потом схватил полушубок и кивнул сидящему на сундуке капитану Шубину: иди за мной. Высокий темно-волосый парень с белой прядью седины в чубе неохотно поднялся и последовал за энкавэдэшником. Этот разговор угнетал его, Михаилу Снитко был он обязан особым доверием, ведь месяц назад майор выбрал капитана разведки Глеба Шубина для выполнения ответственного задания на территории противника. Верил в него и помогал по первой же просьбе, а сего-

дня Глеб видел, что подвел старшего товарища. Майор Снитко, обычно сдержанный, никак не мог подобрать слова и даже беседу не стал продолжать в доме, ставшем временной казармой для офицерского личного состава.

Улица их встретила холодным ноябрьским воздухом, земля уже была припорошена первым снежком, лужи застыли под стеклом льда. В другое время Глеб Шубин долго и с наслаждением вдыхал бы запахи, которые становились особо острыми в морозном воздухе. Аромат свежего хлеба, натопленной бани, запаха животных из сарая, где пряталась от первых холодов скотина. Только эти запахи остались у него глубоко в памяти; уже три года, как капитан сталкивался только с жуткими смрадными запахами войны: гарью выстрелов, тошнотворным ароматом разлагающихся тел, смесью раскаленного металла и пороховых газов — запахами смерти, которую разносила армия Гитлера по его Родине. Третий год капитан Шубин служил во фронтовой разведке Красной армии, собирал сведения на территории противника, ходил к немцам, брал «языков», помогал действовать партизанским отрядам, оказывал помощь в планировании контрнаступ-

ления командирам штаба. В его личном деле уже накопились наградные листы и грамоты, а такой ценный кадр не мог пройти мимо внимания разведывательного отделения. Оттуда поступила докладная записка с запросом на капитана Глеба Шубина для перевода его в постоянный личный состав подразделения. Еще сегодня майор Снитко составлял на капитана блестящую характеристику, отметив, что Шубин за три года войны сделал большие успехи в изучении немецкого языка, освоил взрывное дело. Но теперь готов был накричать на своего протеже, который вдруг заупрямился на, казалось бы, пустом месте.

Мужчины прошли мимо изломанной во время боев изгороди с сотнями отметок от пуль немецкого оружия, свернули к черным руинам — окраине села Громовка, где расположилась их дивизия. В ноздри ударил смрад уже остывшего пожарища — от добротных домов и срубов остались одни головешки и куча золы. Здесь майор Снитко наконец остановился, чиркнул спичкой, закуривая самокрутку. Сладковатый дым поплыл по воздуху, смешался с палью, но Михаил вдруг резко притушил самокрутку. Впился пальцами в старенький

ватник, в котором вышел Глеб, тихо и резко спросил:

— Ты что, испугался, капитан? Думаешь, не потянешь? Ты не сомневайся, не смотри, что ты обычный фронтовик. Был обычным, а теперь герой, по-немецки шпрехаешь, столько секреток провел. Таким, как ты, прямая дорога в разведку, не фронтовую, а где можно немца к ногтю прижать. Ты же сможешь в таких операциях участвовать, про которые только Ставка знает. Сейчас наши ребята Десну отбили, Брянск, к Киеву подошли. Гоним Гитлера по всем фронтам, а он как уж вертится, новые хитрости придумывает. Сейчас как никогда нужны хорошие разведчики, чтобы узнавать планы нашего врага. Мы должны опережать его, знать каждый шаг его генералов, чтобы готовить удар за ударом! — Он наклонился так близко, что почти дышал в ухо разведчику, горячее дыхание обжигало висок, голос дрожал от волнения. — Я тебе сейчас тайну расскажу, только тебе, никому больше, слышишь? Скоро будет встреча всех глав, Англии, Америки, СССР. Все вожди соберутся и договорятся, что будут союзниками против Гитлера. Весь мир с нами! Пони-

маешь, что это значит, Глеб? Победа, близко победа, и ты можешь стране помочь. Должен! Это твой долг — долг офицера, разведчика, советского человека!

Но разведчик опустил голову:

— Товарищ майор, простите. Не могу я! Откажусь.

Михаил стукнул кулаком по кривой жерди — части околицы, разрушенной во время боя за село:

— Да что ж такое? Почему, почему?! Что ты так упрямишься? Да я бы на твоём месте уже бежал в штаб рапорт о переводе писать. Диверсионное отделение, лазутчики, да ты сможешь в самом центре оккупированной территории действовать! Последняя операция — полностью твоя заслуга! Я рапорт писал, чтобы тебя к награде представили. А ты назад, на попятную, да чего ты, Глеб, не пойму!

Шубин замер, не поднимая головы, неприятно было. Стыдно отказываться и не кому-нибудь говорить «нет», а майору Снитко, который ему доверяет как себе. Но он твердо решил: не уйдет из фронтовой разведки в диверсионное подразделение. Только как это объяснить майору, тут ведь про совесть,

про мысли тяжелые, которые лежат камнем на душе. А они на войне, в армии, здесь приказы не обсуждают — их выполняют, иногда ценой жизни. И не отказывают старшему по званию, но снова согласиться на секретную операцию для Глеба было невыносимо. Он сник, перед глазами замелькали страшные моменты его диверсии на территории врага. Тогда пришлось действовать вместе с партизанами, с гражданским населением, и выжили не все — некоторые агенты погибли при выполнении приказа.

Капитан, уставившись в бескрайнюю черноту перед собой, признался товарищу:

— Не могу я, товарищ майор. Как подумаю, что придется снова в форме фрицевской ходить, делать вид, что один из них, нутро все переворачивает, до того противно. Шкуру чужую на себя примерять, смотреть, как наши ребята гибнут, и молчать, чтобы не сорвать операцию. На вылазке можно ответить, прирезать немца, убежать, схорониться в лесу, не терпеть. А в шпионах... не мое это, товарищ капитан, не могу я с немцами шнапс пить и в лицо им улыбаться. Лучше уж... что угодно, только не это. Я с нашими ребятами драть-

ся рядом готов хоть на передовой под пулями, хоть в тылу, захватывая «языка», но агентом у фашистов служить отказываюсь, не уговаривайте, товарищ капитан. Я уже для себя это решил, стыдно мне, не должен так советский офицер думать. Только от одной мысли воротит, что надену германские погоны, что должен буду смотреть спокойно, как они наших стариков, детей, женщин убивают. На войне, на передовой смерть — она страшная, но привычная. Там воины, бойцы Красной армии. А в городе или на селе... мирное население, беззащитные они, нет у них ни ножа, ни винтовки, ни сил, чтобы немцу ответить. А те их жгут, голодом морят, издеваются. Не смогу я смотреть на это опять и ничего не делать! Не смогу!

Шубин вдруг замолчал и уткнулся в рукав ватника. Его сотрясала дрожь, перед глазами стояли мертвецы, растерзанные, избитые и жестоко убитые фашистами. Снитко вытянул припасенную «козью ножку» и снова чиркнул спичкой. Неожиданный ответ выбил его из колеи, он понимал, что убедить Шубина не получится. Энкавэдэшник лишь предупредил своего товарища:

— Капитан, в штабе твой ответ не понравится командиру диверсионного отделения, и командиру дивизии не понравится. Не по-советски это и не по-офицерски, и не знаю, как ты им объяснять будешь свое решение. Тебе доверили, а ты... эх... капитан, не ожидал. Я за тебя поручился, характеристику такую составил. А ты на попятную...

Взлетела в черном воздухе красная точка — майор выкинул окурочек, резко развернулся и зашагал прочь, так и не высказав всего, что жгло внутри. Обида и разочарование, с одной стороны, давили на офицера, а с другой... Он знал, подозревал, что может так повернуться дело, слишком уж капитан Шубин хороший, честный парень. Трудно таким людям обманывать, притворяться, лгать, терпеть фашистские преступления с невозмутимым лицом ради получения важных сведений, ради того, чтобы подготовить секретную операцию. Поэтому лазутчиков, диверсантов, которые действуют на территории врага, в глубине немецкого тыла так мало. Тяжело, невыносимо тяжело человеку врать, притворяться, даже во сне не быть собой, чтобы не выдать тайну. Носить чужую личину месяцами, мерзкую фа-

БАГРОВОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

шистскую маску, от такого люди лезут в петлю, готовы отдать жизнь на передовой, лишь бы не вернуться к этой невыносимой муке.

Майор Снитко вернулся в избу, улегся на свою постель на широкой лавке, но так и не смог уснуть до утра. Мысли о завтрашнем дне, об отказе Глеба Шубина от предложения не давали ему покоя.

А капитан Шубин даже не стал возвращаться в дом, где расквартировались на постой младшие офицеры дивизии. Несколько часов он провел на пепелище, сидел на перевернутом чурбане и не мог отвести взгляд от выжженного дотла клочка земли. Здесь когда-то курился дымок растопленной бани, сноровистая хозяйка стирала белье в лохани, старшие ребятишки возились над грядками, а младшие обдирали траву вокруг изгороди, чтобы накормить кроликов. Жизнь, мирная и уютная, текла, как спокойная река. Теперь же от той жизни остался кусок пустоты с золой и резким запахом гари. Именно такую пустоту и испытывал разведчик после последней операции: умирающие товарищи, подростки из партизанского отряда, прекрасная балерина — тайный агент, они погибли на его глазах, оставив у капита-

на Шубина огромную черную рану в груди. Ее не было видно глазами посторонним, но она отпечаталась в глубоких складках на его лице, молодой мужчина постоянно ощущал эту горькую, ледяную пустоту, в которую, как в бездонную пропасть, ушла радость жизни. Он не чувствовал ноябрьского холода, который пробрался под ватную куртку. Горячая ярость сжигала изнутри, горела черным пламенем, требуя одного — отомстить за каждого, кто не выжил в борьбе с фашистами, за каждую смерть, что прошла перед его глазами, за каждую унесенную гитлеровцами жизнь.

ГЛАВА 1

Командир дивизии, полковник Арчебаков, переводил цепкий взгляд с майора НКВД на капитана разведки:

— Это что за выкрутасы! Боевые офицеры, устроили тут ромашку. Буду — не буду! Как девка ломается стоит, приказ командира по уставу выполняется беспрекословно! А ты куда смотрел, майор?! И этого ты рекомендовал в диверсионный отряд? Лучший разведчик, безупречная репутация?! Медаль ему?! За что? За то, что отказывается от задания?!

Полковник распалялся все сильнее, перешел на крик, от которого затихли все звуки в узле радиосвязи, что находился в соседнем кабинете поселковой школы. Майор Снитко тоже молчал, даже не пытаясь оправдаться.